

Лингвокультурология/ Linguoculturology

Научная статья

УДК 811.581.11"37":811.111"37"

<https://doi.org/10.51955/2312-1327-2026-3-267>

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ КИТАЙСКОГО И АНГЛИЙСКОГО
ЯЗЫКОВ С КОМПОНЕНТАМИ «咬» И «BITE» (КУСАТЬ)**

*Михаил Михайлович Худаев,
Северо-Восточный федеральный университет
имени М. К. Аммосова,
Якутск, Россия*

Аннотация. В статье представлены результаты функционально-параметрического анализа фразеологизмов английского и китайского языков с компонентами bite / 咬 («кусать»). Выявлены значительные семантические параллели, несмотря на различия лингвокультур Китая и Англии. Большинство единиц описывают черты характера (стойкость, терпеливость, мужество, двуличие, хитрость, трусость) и негативные эмоциональные состояния (страх, боль, горечь, злость, бессилие). Общую основу составляют универсальные соматические метафоры кусания как проявления агрессии или выдержки, однако часть фразеологизмов отражает культурно-историческую специфику каждой нации. Китайские фразеологизмы, как правило, восходят к древней литературе и отражают идеалы конфуцианства, даосизма и буддизма, призывая к стойкости, терпению и скромности, а не к стремлению к богатству и роскоши. Английские же фразеологизмы в большинстве своём имеют бытовое происхождение, хотя небольшая их часть также восходит к древним источникам, преимущественно к Библии. В целом, английские фразеологизмы менее идеологичны: они в большей степени выражают повседневный жизненный опыт, исторические реалии и особенности мировоззрения британцев.

Ключевые слова: фразеология; лингвокультурология; функционально-параметрический анализ; китайский язык; английский язык; культурный код; сопоставительная фразеология; семантика; прагматика; коннотация.

Для цитирования:

Худаев, М. М. Функционально-семантические особенности фразеологических единиц китайского и английского языков с компонентами «咬» и «bite» (кусать) / М. М. Худаев // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. – 2026. – Том 13. – № 03. – С. 267-285. – <https://doi.org/10.51955/2312-1327-2026-3-267>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Original research article

FUNCTIONAL-SEMANTIC FEATURES OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE COMPONENTS "咬" AND "BITE" IN CHINESE AND ENGLISH

Mikhail M. Khudaev,
M. K. Ammosov North-Eastern Federal University,
Yakutsk, Russia

Abstract. The article presents the results of a functional-parametric analysis of English and Chinese phraseological units containing the components bite / 咬 ("to bite"). Significant semantic parallels are identified despite the differences between Chinese and English linguocultures. Most of these units describe personality traits—such as resilience, patience, courage, duplicity, cunning, and cowardice—as well as negative emotional states, including fear, pain, bitterness, anger, and helplessness. Their common foundation lies in universal somatic metaphors of biting as an expression of either aggression or self-restraint; however, some phraseological units reflect the cultural and historical specificity of each nation. For instance, Chinese idioms typically originate from classical literature and embody the ideals of Confucianism, Daoism, and Buddhism, promoting resilience, patience, and modesty rather than the pursuit of wealth and luxury. In contrast, most English phraseological units have everyday, colloquial origins, although a small portion also derives from ancient sources, primarily the Bible. Overall, English idioms are less ideologically charged and tend to reflect everyday life experience, historical realities, and the worldview of the British people in the 19th–20th centuries.

Keywords: phraseology; linguoculturology; functional-parametric analysis; Chinese language; English language; cultural code; contrastive phraseology; semantics; pragmatics; connotation.

To cite this article:

Khudaev, M. M. (2026). Functional-semantic features of phraseological units with the components "咬" and "bite" in Chinese and English. *Crede Experto: transport, society, education, language*, vol. 13, no. 3, pp. 267-285 DOI: <https://doi.org/10.51955/2312-1327-2026-3-267> (in Russ.).

Conflict of Interest: The author declares no conflict of interest.

Введение (Introduction)

Фразеологические единицы (далее ФЕ) представляют собой неотъемлемую и значимую часть любой лингвокультуры, выступая в качестве конденсированных носителей культурного опыта, исторической памяти и национального мировоззрения. Выступая на стыке языка, мышления и культуры, они требуют комплексного подхода к анализу, сочетающего лингвистические, когнитивные и лингвокультурологические методы. Многие из исследований ФЕ (В. Н. Телия, Н. М. Шанского, В. В. Красных, М. Л. Ковшовой и других) сосредотачиваются на их функционально-семантических и прагматических особенностях, под которыми понимаются характеристики, связанные с ролью ФЕ в речи, их устойчивым значением и способностью выражать определённые концептуальные образы. К этим характеристикам относятся денотативный компонент – предметное или понятийное значение ФЕ, коннотативный

компонент – эмоциональная окраска (например, радость, страх, зависть и т.д.), образная основа (внутренняя форма) – метафоричность, метонимичность или иные тропы, лежащие в основе фразеологической структуры, а также функциональная стилистическая принадлежность, определяющая сферу их употребления (разговорная, публицистическая, литературная или профессиональная речь) [Гогичев, 2011]. Прагматические особенности, в свою очередь, связаны с использованием ФЕ в реальном коммуникативном акте: их способностью передавать отношение говорящего к высказываемому или адресату, зависимостью интерпретации от социального и культурного контекста, ролью в построении речевого акта (например, как средство порицания или одобрения) [Ковшова, 2009]. Особенно в этих исследованиях уделяют внимание образности ФЕ, так называемой внутренней форме – образному содержанию, возникающему на основе их прямого значения. Именно в этой образной основе заключена вторичная, культурологически значимая информация, которая, будучи прозрачной и интуитивно понятной носителям языка, формирует так называемый культурный код [Ковалевская, 2010].

Под культурным кодом понимается система устойчивых когнитивных и ценностных ориентиров – это своеобразная «сетка», накладываемая человеком на окружающую действительность с целью её категоризации, интерпретации и оценки [Красных, 2001, с. 5]. Различные учёные выделяют разные типы культурных кодов, однако мы придерживаемся классификации культурных кодов В. Н. Телия, которая охватывает ключевые области национально-культурной репрезентации в языке. Согласно её концепции, к основным типам культурных кодов относятся: соматический (связанный с телом и его частями), гастрономический, цветовой, религиозный, архитектурный, природный, а также мифологический, исторический, семейно-бытовой и ряд других [Большой фразеологический..., 2006; Маслова, 2012, с. 228; Никишкова, 2017]. Эта кодовая структура проявляется в языковой картине мира – целостной системе представлений, умозаключений, стереотипов, традиций и ритуалов, зафиксированных в лексике, в том числе в ФЕ [Красных, 2013, с. 122-124]; Топалова, 2017, с. 97-101]. Анализ ФЕ позволяет реконструировать глубинные культурные концепты, лежащие в основе национального восприятия реальности.

В этом контексте наше исследование направлено на выявление и интерпретацию культурно маркированных значений ФЕ, что представляет не только теоретический интерес для лингвокультурологии, но и практическую значимость для межкультурной коммуникации, переводоведения и преподавания языков в условиях культурного взаимодействия.

В связи с этим цель исследования – выявить функционально-семантические и прагматические особенности ФЕ с компонентами «咬» и «bite» (кусать).

Материалы и методы (Materials and Methods)

Для выявления культурно значимых особенностей ФЕ в настоящем исследовании применяется функционально-параметрический анализ, который позволяет всесторонне рассмотреть ФЕ: от её грамматической функции в предложении и семантического содержания до образной структуры, стилистической окраски и культурного подтекста. Такой подход особенно эффективен при сопоставительном анализе языковых единиц, поскольку учитывает как лингвистические, так и экстралингвистические параметры [Чжао, 2012].

С помощью метода сплошной выборки из авторитетных словарей и корпусов современного языка было отобрано 47 ФЕ китайского языка и 48 ФЕ английского языка, относящихся к указанным типам. Полученная выборка составляет эмпирическую базу исследования и служит материалом для дальнейшего лингвокультурологического и сопоставительного анализа. Для английского языка основными источниками послужили Британский национальный корпус (BNC) и Корпус исторического американского английского (COHA), позволившие проследить синхронические и диахронические закономерности употребления идиом. Семантическая интерпретация фразеологизмов проводилась на основе Cambridge International Dictionary of Idioms. Для китайского языка в качестве источника дефиниций был использован академический словарь «汉语成语大辞典» (Hanyu Chengyu Da Cidian), а также «Большой китайско-русский словарь» под редакцией И.М. Ошанина для уточнения перевода некоторых ФЕ. Корпусной базой для анализа контекстов послужил BCC (BLCU Corpus Center) Пекинского университета языка и культуры.

Дискуссия (Discussion)

Анализ фразеологических единиц с различными компонентами занимает заметное место в современных лингвистических исследованиях. Например, в рамках исследования гастрономического и соматического культурного кода учёные рассматривают, в частности, отражение в идиоматике специфики восприятия чая в китайской, английской и французской культурах [Василенко и др., 2022], национально-культурные особенности компонентов «соль» и «хлеб» в русской, французской и английской фразеологии [Белая, 2017; Четвертакова, 2024], а также функционирование лексики тематического поля «пища» в китайских и русских фразеологизмах [Красильникова и др., 2022]. Параллельно проводятся общие лингвокультурологические сопоставления гастрономических кодов, воплощённых во фразеологии русского, китайского и английского языков [Иванова и др., 2016; Савченко, 2019] и в поговорках русского и китайского языков [Цзян и др., 2018]. Не меньший интерес представляет соматический код, который стал объектом как широких теоретических исследований [Байрамова и др., 2019; Гэ, 2017], так и работ, посвящённых отдельным его компонентам. Например, особое внимание исследователей привлекает ФЕ с компонентом «сердце» в китайском, бурятском и русском языках. Во всех трёх лингвокультурах, несмотря

на их многочисленные различия, сердце выступает как символ эмоциональных переживаний, таких как страх, тревога или радость [Дашиева и др., 2022 и др.]. Помимо «сердца», в научном поле находятся и другие части тела: в китайском языке анализируются соматизмы «кровь» и «слёзы», которые играют важную роль в экспрессивной передаче внутреннего состояния человека и характеризуются высокой образностью и метафоричностью [Брахманова, 2020]. В английской фразеологии центральное место в соматическом коде занимают такие компоненты, как head, brain, eye и heart, которые являются наиболее частотными и функционально значимыми, формируя ядро репрезентации телесного опыта в англоязычной культуре [Салыхова, 2022]. В этом исследовательском контексте особую лакуну составляет изучение ФЕ, мотивированных не объектами (еда, части тела), а базовыми действиями человека, такими как глагол, обозначающий кусание. Данный глагол занимает место на пересечении соматического и гастрономического кодов, так как, с одной стороны, он обозначает базовое пищевое действие – первичный контакт с едой, что включает его в гастрономический код (например, откусить кусочек от чего-либо); с другой – выражает болезненное, агрессивное телесное воздействие, характерное для соматического кода (например, укусить кого-либо). Тем не менее образ «кусания» породил в языках мира обширный пласт устойчивых выражений. Их формирование обусловлено работой как универсальных, так и культурно-специфических концептуальных метафор, репрезентирующих различные модели категоризации действительности [Kim, 2022]. Сопоставительный анализ ФЕ с компонентом «кусать» позволяет вскрыть глубинные механизмы взаимодействия языка, телесного опыта и культуры разных народов.

Исторически вопрос определения и классификации ФЕ остаётся дискуссионным. Многочисленные работы таких учёных, как В. В. Виноградов, Н. М. Шанский, А. А. Потебня и других, заложили основы русской фразеологии, однако единого, универсально принятого определения ФЕ и их строгой типологии до сих пор не существует [Василенко, 2025; Залипаева, 2018]. Некоторые исследователи трактуют ФЕ как устойчивые по составу и структуре выражения с переносным значением; другие делают акцент на их воспроизводимости в речи или на степени идиоматичности [Голодов и др., 2018]. Из-за различий в терминологии и классификации устойчивых выражений в китайском (чэньюй, яньюй и др.)¹ и английском (идиомы, коллокации и др.) языках [Астрединов и др., 2025, с. 349-350; Сергеева, 2020, с. 212-214] сопоставительный анализ затруднён. Поэтому в исследовании выбраны только идиомы и пословицы/поговорки – категории, присутствующие в обеих лингвокультурах и несущие яркую культурную маркированность.

Результаты (Results)

1. Функционально-параметрический анализ ФЕ китайского языка

1.1. Грамматический компонент

¹ Войцехович И. В. Практическая фразеология современного китайского языка: учебник. М.: АСТ, 2007. 509 с.

В предложении исследуемые ФЕ, как правило, выполняют функцию сказуемого или используются как самодостаточные высказывания, не требующие дополнительного контекста. Их лаконичность и семантическая завершённость позволяют передать сложную жизненную ситуацию или моральную оценку в краткой, образной форме, что характерно для традиционных моделей китайского мышления.

Среди 47 зафиксированных ФЕ с глаголом 咬 (yǎo) – «кусать» выделяются следующие типы: чэньюй (идиомы классического происхождения) – 30 единиц; яньюй (народные поговорки, устойчивые выражения разговорного типа) – 17 единиц.

Особое внимание заслуживает синтаксическая особенность, характерная для большинства этих выражений – параллелизм. Это ритмически сбалансированное, часто асимметричное, но семантически сопоставимое соединение двух или более компонентов, создающее эмоционально-эстетический эффект и усиливающее запоминаемость. Примером является ФЕ: 咬姜呷醋 (yǎo jiāng xiǎ cù) – «кусать имбирь, хлебать уксус». Эта конструкция состоит из двух параллельных глагольных действий: 咬 (yǎo) – «кусать» – действие с твёрдым, горьким объектом (姜 jiāng – имбирь), 呷 (xiǎ) – «глотать, пить малыми порциями» – действие с жидким, кислым объектом (醋 cù – уксус). Оба глагола описывают приём пищи, но не в смысле удовольствия, а как метафора вынужденного существования в бедности. Имбирь и уксус – не роскошь, а символ грубой, неприятной, но честной жизни. Параллелизм здесь не просто стилистический приём, он создаёт семантическую симметрию, подчёркивая, что и твёрдое, и кислое одинаково трудно переносить.

1.2. Денотативный компонент

При классификации английских фразеологизмов с компонентом *bite* мы руководствуемся тем же принципом дискретного семантического распределения, который был применен к китайскому материалу (см. выше). Каждая из 48 ФЕ закреплена только за одной группой на основе её первичного словарного значения, что исключает пересечение категорий и обеспечивает сопоставимость результатов. Классификация фразеологических единиц по семантическим группам проводилась на основе критерия доминирующего денотативного признака. В случаях, когда фразеологизм обнаруживал полисемию или совмещение нескольких значений, он относился к той группе, которая соответствует его первичному, наиболее частотному употреблению. Многие китайские ФЕ с компонентом «咬» можно отнести к следующим тематическим группам:

1. Характеристика личности и поведения (23 ФЕ). Большинство ФЕ в этой группе описывают нравственные качества и волевые черты человека, часто связанные со стойкостью, решимостью и самоограничением: 咬得菜根 (yǎo de cài gēn) – преодоление условий бедной жизни, добровольное принятие лишений как проявление нравственной силы (буквально: грызть овощные корни). 咬钉嚼

铁 (yǎo dīng jiǎo tiě) – железная воля, нестигаемая стойкость, способность переносить невыносимое (буквально: кусать гвозди, жевать железо).

Помимо положительных качеств, в эту группу входят ФЕ, описывающие скрытую агрессию, хитрость и выдержку: 咬人的狗儿不露齿 (yǎo rén de gǒu ér bù lù chǐ) – самый опасный враг – тот, кто маскирует злые намерения под безобидность (буквально: кусающая собака не показывает клыки).

2. Эмоциональные состояния и реакции (10 ФЕ). Во второй группе ФЕ с 咬 выражают сильные эмоциональные переживания: страх, злобу, шок. Например: 咬牙切齿 (yǎo yá qiè chǐ) – скрежетать зубами (напр. от злости, гнева, возмущения); (буквально: зубовой скрежет; кусать зубы).

3. Мотивы конфликта, предательства (9 ФЕ). Отдельную группу составляют ФЕ, передающие культурные представления о предательстве, неблагодарности и иррациональности: 狗咬吕洞宾, 不识好人心 (gǒu yǎo Lǚ Dòngbīn, bù shí hǎo rén xīn) – идиоматическое выражение неблагодарности: добрые поступки встречают ответной агрессией (буквально: собака покусала Люй Дунбина – не узнала доброго сердца). 狗咬狗 (gǒu yǎo gǒu) – метафора внутренних раздоров, ссор между соперниками, когда люди враждуют между собой, не осознавая, что оба виновны (буквально: собака кусает собаку).

Остальные пять ФЕ нельзя определить ни к одной из предложенных выше групп, так как их значения либо очень сильно отличаются от значений ФЕ в этих группах, либо их значения слишком специфичны или напрямую связаны с историческими событиями того времени и сейчас утратили свою актуальность. Например, 咬耳朵 – шептать на ухо, шептаться (буквально: кусать за ухо, покусывать ухо). 咬血为盟 – заключить кровавую клятву (кусая палец и смешивая кровь). Это ритуальная ФЕ, и сейчас практически не используется.

1.3. Эмоциональный компонент

Анализ с позиции эмоционального компонента показывает, что подавляющее большинство китайских ФЕ с компонентом 咬 (36 из 47) выражают негативные эмоциональные состояния. Описываемые в них сценарии, будь то физическая боль, предательство, конфликт или моральное напряжение, практически всегда связаны с болезненным или психологически напряжённым опытом. Эта регулярность обусловлена универсальными соматическими метафорами, в которых «кусание» служит когнитивной основой для выражения агрессии, страдания и эмоционального сопротивления. Так, в ФЕ 狗咬狗 (gǒu yǎo gǒu) – «собака кусает собаку» – субъект выступает как агрессор, что метафорически обозначает внутренние распри внутри одной группы. В другой ФЕ 咬紧嘴唇 – «кусать губы» – действие «кусания» выражает реакцию на стресс: ярость, сдержанную боль или внутреннее напряжение.

Тем не менее, некоторые ФЕ обладают скрытой, косвенной позитивной эмоциональной окраской, хотя и не связаны с ощущением комфорта или радости (7 ФЕ). Так, 咬得菜根 («жевать корень редьки») метафорически обозначает способность терпеть лишения и жить в бедности, но при этом выражает чувство

внутренней уверенности, стойкости и достоинства. Аналогично, 咬金断玉 («кусать, грызть золото и ломать нефрит»), несмотря на гиперболическую жестокость образа, передаёт ощущение исключительной силы, непоколебимой решимости и волевого превосходства.

К числу нейтральных ФЕ (4 единицы), эмоциональный заряд которых зависит от речевой ситуации, относится, например, 咬文嚼字 (yǎo wén jiáo zì) – «грызть литературу и жевать слова», обозначающая скрупулёзный подбор выражений без заранее заданной положительной или отрицательной оценки.

1.4. Оценочный компонент

Оценочная направленность китайских ФЕ с компонентом 咬 чётко отражает традиционные морально-этические установки китайской культуры, в первую очередь конфуцианского происхождения, где ценятся сдержанность, верность, скромность и социальная гармония и осуждаются предательство, эгоизм, пустословие и нарушение иерархии. В этих устойчивых выражениях поощряется поведение, демонстрирующее внутреннюю стойкость и моральную целостность: способность терпеть боль (咬钉嚼铁), жить в бедности без жалоб (咬得菜根). Хотя человек здесь испытывает дискомфорт и всевозможные лишения, такое поведение ассоциируется с достоинством, мужеством и благородством, что подчёркивается их положительной коннотацией (11 ФЕ).

Напротив, резко порицается любое проявление предательства, неблагодарности и скрытой агрессии. Например, осуждаема неблагодарность, выраженная в образе 狗咬吕洞宾, 不识好人心 – здесь даже святой не защищён от укуса того, кому он сделал добро. Также негативно оценивается бесполезный конфликт и саморазрушение, как в выражениях 狗咬狗 или 老鼠咬耗子, 自相残害 – свои же друг друга грызут, вредят себе (буквально: крысы грызут друг друга), где подчёркивается абсурдность борьбы внутри своей же группы (всего 37 негативных ФЕ).

1.5. Стилистический компонент

Многие китайские ФЕ уходят корнями в древнюю литературу, философские трактаты, поэзию, исторические хроники, сохраняя в своей структуре отголоски традиционной китайской культуры. Поэтому многие ФЕ в китайском языке принадлежат именно к книжному стилю (31 ФЕ). Однако в корпусе представлены также единицы, принадлежащие к нейтрально-публицистическому (10 ФЕ) и разговорному (6 ФЕ) стилям. К нейтрально-публицистическому стилю можно отнести ФЕ 咬紧嘴唇 (yǎo jǐn zuǐchún) – кусать губы (от боли, решимости или в попытке сдержать эмоции). Такие выражения уместны как в устной речи, так и в средствах массовой информации. Разговорные ФЕ, например 狗咬狗 (gǒu yǎo gǒu) – грызться друг с другом, внутренний конфликт (буквально: собака укусила собаку), обычно применяются в бытовом контексте. В основе их значений лежат не древние легенды или философские категории, а жизненные наблюдения и повседневный опыт носителей языка.

1.6. Мотивационный компонент

Многие ФЕ китайского языка выступают носителями древней культуры Китая, как языковой, так и морально-этической, философской. Подобная экстралингвистическая мотивация особенно ценна для лингвокультурологии. Рассмотрим, какие именно элементы культуры раскрываются в китайских ФЕ.

Например, большим источником формирования образов являются традиционные направления философии Китая. Так, ФЕ 咬得菜根 («кусать корень капусты») восходит к изречению мыслителя Южной Сун Ван Синьмина: «Если человек может терпеть горечь овощных корней, ему подвластны любые дела». Эта мысль была канонизирована Чжу Си и легла в основу философии сборника эпохи Мин 《菜根谭》, прославляющего простоту, скромность, сдержанность и внутреннюю силу.

Ещё один показательный пример – ФЕ «宁可人咬我，不可我咬人» («Пусть другие обижают меня – лишь бы я не обидел их») мотивирован конфуцианской этикой самодисциплины и принципом шу (взаимности), предписывающим воздерживаться от причинения зла даже в ответ на несправедливость. Его антитетическая структура подчеркивает моральный выбор в пользу внутренней добродетели, а не внешней справедливости. Впервые зафиксированный в XIV веке у Е Цыци как народная мудрость, он был впоследствии канонизирован неоконфуцианской традицией и включён в авторитетные словари как выражение идеала кэци фули (самосдержанность и следование ритуалу). Противопоставление поговорке Цао Цао «宁我负人，毋人负我» («Лучше я предаю людей, чем люди предадут меня») выявляет этический контраст между альтруизмом и эгоизмом. Такой подход отражает ключевую черту китайской морали – строгость к себе и стремление к социальной гармонии через личную ответственность.

Особое место в мотивации образов занимают животные, и прежде всего собака. Несмотря на то, что в некоторых контекстах собака в Китае может ассоциироваться с верностью, в ФЕ с 咬 она почти всегда выступает в негативном свете как символ скрытой агрессии, неблагодарности или бессмысленного конфликта. Это связано с тем, что укус собаки в народном сознании – не защитная, а вероломная, внезапная атака, часто исходящая от того, кому доверяли. Например, ФЕ 狗咬吕洞宾，不识好人心 («Собака кусает Люй Дунбина – не узнаёт доброго сердца») восходит к даосской легенде о бессмертном Люй Дунбине, который, являясь воплощением бескорыстного добра, часто странствовал по миру в облике простолыдина, помогая нуждающимся. В одной из таких историй, получив враждебный приём или даже подвергшись нападению собаки, он лишь вздыхал: «Ты не видишь доброго сердца – потому и кусаешь». Образ собаки, кусающей святого, аллегорически выражает неблагодарность и моральную слепоту: человек, не способный распознать истинные добрые намерения, отвечает на них агрессией или подозрением. ФЕ, таким образом, функционирует как этический упрёк и

напоминание о том, что истинное добро часто остаётся непонятым в мире, где преобладает недоверие и невежество.

Наконец, важную роль играют универсальные соматические метафоры: «кусание» либо выражает страдание, либо физически олицетворяет внутренний дискомфорт – как в 咬紧牙关 («стиснуть зубы»), где сжатые челюсти символизируют сдержанность перед болью, страхом или трудностями.

2. Функционально-параметрический анализ ФЕ английского языка

2.1. Грамматический компонент

Большинство английских ФЕ, как и китайских, составляют идиомы – 32 единицы. Пословиц и поговорок – 16. ФЕ английского языка чаще всего функционируют в предложении в качестве сказуемых.

В отличие от китайских ФЕ, где доминируют параллельные афористические конструкции, английские единицы с «bite» преимущественно строятся на глагольно-объектной модели: bite + (определённый объект). Например, bite the bullet / dust / bait / biscuit / ice / curb; bite your tongue / lip / nails. В английских ФЕ именно объект – ключ к значению.

2.2. Денотативный компонент

В английском языке ФЕ с компонентом *bite* преимущественно выражают внешние проявления эмоций (12 ФЕ). Агрессия и гнев передаются через яркие, часто гиперболизированные образы: to bite someone's head off – вспышка раздражения, грубая резкость в речи (буквально: откусить кому-то голову); to bite someone's nose off – быть очень агрессивным, злым (откусить кому-то нос). Одновременно фиксируются признаки тревожности и внутреннего напряжения: to bite one's nails/fingernails – испытывать стресс, быть в нервном состоянии (буквально: кусать ногти); to bite the pillow – подавление плача или крика, символ уязвимости и изоляции (буквально: кусать подушку).

При этом *bite* активно используется для обозначения качеств личности (12 ФЕ). С одной стороны, ФЕ с глаголом bite отображают решимость и стойкость: to bite the bullet – принять тяжёлое решение, вынести страдание (буквально: прикусить пулю, гильзу); to bite hard – вцепиться, целеустремленно работать над одним делом (буквально: вгрызаться всеми зубами). С другой – проявления трусости и пустой угрозы: all bark and no bite – громкие слова без последствий (буквально: много лая, но нет укусов); barking dogs seldom bite – агрессивная внешность не всегда означает реальную опасность (буквально: лающие собаки редко кусаются). Также выделяется группа ФЕ, описывающих иррациональность или нелогичность поведения, например: to bite off more than one can chew – брать на себя больше, чем можно выполнить (буквально: откусить больше, чем можно проглотить).

Отдельную семантическую группу составляют ФЕ, связанные с физиологическим актом потребления пищи, что характерно для английского, но отсутствует в китайских аналогах (7 ФЕ): to take a bite out of something – частично уменьшить, использовать или испортить что-либо; начать осваивать ресурс или задачу (буквально: откусить кусок от чего-либо); to bite into something –

энергично приступить к выполнению задачи, вникнуть в дело (буквально: укусить, начать есть что-либо); to bite down on something – откусить кусочек от чего-либо (буквально: прикусить, надавить зубами на что-либо).

Последняя группа (12 ФЕ) отражает формы социального взаимодействия между людьми и отличается высокой эмоциональной напряжённостью: её составляющие насыщены образами манипуляции, обмана, предательства и агрессии: the serpent's bite – обман, удар исподтишка (буквально: укус змеи); to bite the hand that feeds you – предательство благодетеля, предать того, кто оказывал поддержку (буквально: укусить руку, которая кормит тебя); once bitten, twice shy – страх повторения травмирующего опыта (буквально: однажды укушенный – дважды настороже); to bite the bait – попасться на уловку (буквально: укусить наживку). Вместе с тем в английском языке встречаются и ФЕ, способствующие установлению позитивного коммуникативного контакта. Примечательно, что подобные значения зачастую возникают за счёт отрицания самого действия «укуса», то есть через отказ от агрессии: I won't bite – утешительное заверение, снятие напряжения (буквально: я тебя не укушу; я не кусаюсь); a dog does not bite a dog – метафора взаимного уважения среди равных, неписаное правило «не трогать своих» (буквально: собака собаку не кусает).

Небольшую, но важную группу из пяти ФЕ невозможно отнести ни к одной из основных семантических групп. Их образная структура, как и у некоторых китайских идиом, отличается архаичностью или высокой специфичностью. Однако именно это делает их ценными маркерами культурно-исторических особенностей. Например: beware the bite of the winter wind – остерегайся пронизывающего холода (буквально: бойся укуса зимнего ветра). Подобный образный язык характерен для английской и шотландской балладной традиции, поэзии романтизма (где природа часто изображалась как величественная и грозная сила). Bite the nail of thought – глубоко задуматься (буквально: укусить ноготь мысли). Является шекспиризмом.

2.3. Эмоциональный компонент

Английские ФЕ с компонентом *bite*, несмотря на культурные различия, демонстрируют эмоции, близкие к китайским аналогам с 咬. Они преимущественно передают отрицательно окрашенные эмоциональные состояния, возникающие как на фоне физического дискомфорта, так и в результате сильного внутреннего напряжения. Например, выражение bite your tongue (букв. «укусить язык») обозначает не просто воздержание от слов, а намеренное подавление эмоций, таких как гнев, досада или желание резко возразить, что часто сопровождается ощущением стеснения в горле или даже физической болью.

Положительно окрашенных ФЕ в английском языке, как и в китайском, немного. Семантически они также не связаны и представляют различные семантические группы: I won't bite – я не кусаюсь; Take a bite out of something – съесть что-то; взять от чего-то кусочек; a dog does not bite a dog – свои друг друга не трогают, прикрывают.

2.4. Оценочный компонент

В английских ФЕ с компонентом «bite» поощряется поведение, демонстрирующее внутреннюю силу, готовность к жертве без излишней агрессии, осмотрительность, основанную на опыте, и готовность принять трудности без жалоб. Так, ФЕ *bite the bullet* оценивается положительно как проявление мужества перед лицом неизбежного. *I won't bite* – как жест дружелюбия и открытости. Выражения вроде *bite hard*, *Take a bite out of something* или *Bite into something* в деловом или творческом контексте оцениваются положительно как признак энергии, инициативы и полной вовлечённости.

В то же время резко порицается поведение, связанное с предательством, неблагодарностью, пустой агрессией и обманом. Например, негативно оценивается *bite the hand that feeds (you)* – символ вероломства по отношению к благодетелю. Также осуждается показная, но не подкреплённая действиями агрессия: выражения *all bark and no bite*, *bark is worse than one's bite*, *barking dogs seldom bite* и *a barking dog never bites* используются для высмеивания пустых угроз и несоответствия слов делу. ФЕ *bite someone's head off*, *bite someone's nose off* и *bite (one's) head off* передают неоправданную, чрезмерную гневливость, которая в англоязычной культуре считается признаком плохих манер и эмоциональной несдержанности. *Put the bite on* имеет негативную прагматическую окраску как форма социального давления или манипуляции, особенно в контексте просьбы о деньгах. *Bite the bait* и *come back to bite (one)* описывают ситуации, где человек либо глупо поддаётся обману, либо страдает от собственных необдуманных поступков, что также оценивается критически.

Особую группу составляют ФЕ, выражающие саморазрушение или иррациональность: *bite (one's) nose off to spite (one's) face* – классический пример глупого поступка, направленного против самого себя, – получает однозначно негативную оценку. Аналогично, *bite the dog that bit you* может восприниматься как циклическое насилие, лишённое конструктивности.

2.5. Стилистический компонент

Большинство ФЕ с *bite* относятся к разговорному или нейтрально-разговорному стилю (40). Они активно используются в устной речи, диалогах, неформальной переписке и художественной литературе. Такие выражения, как *bite your tongue*; *once bitten, twice shy*; *I won't bite*; *bite the bullet*; *bite the hand that feeds you*, являются стилистически универсальными: они допустимы как в бытовом общении, так и в публицистике, где служат для создания образности и эмоционального вовлечения. Их экспрессия умеренная, а понимание – общекультурное, что обеспечивает широкую репрезентативность.

Некоторые ФЕ носят архаичный, поэтический или книжный характер (5). Например, уже упомянутые ФЕ: *bite the nail of thought* – выражение, восходящее к романтической поэзии, – сегодня практически не употребляется в живой речи и воспринимается как стилизация под XIX век. Аналогично, *Beware the bite of the winter wind* является литературной метафорой, характерной для описательной

прозы или поэзии. Эти единицы функционируют преимущественно в художественном стиле, где важны образность и ритм.

2.6. Мотивационный компонент

Как и китайские ФЕ, многие английские ФЕ мотивированы образом укуса как соматической метафоры причинения вреда себе или окружающим людям путём совершения данного действия (укуса). Так, ФЕ типа *bite someone's head off*, *bite (one's) nose off* или *bite back* передают крайнюю степень агрессии, раздражения или ответной реакции, используя гиперболизированный образ физического нападения. В то же время устойчивые выражения с участием собак – *all bark and no bite*, *barking dogs seldom bite*, *a barking dog never bites* – опираются на повседневное наблюдение: лай воспринимается как показная угроза, тогда как настоящая опасность исходит от молчаливого укуса. Это формирует культурный стереотип «пустой угрозы», где звук противопоставляется действию.

Не менее значима мотивация, связанная с самоконтролем и подавлением эмоций. Акты *bite your tongue*, *bite (one's) lip* или *bite your nails* отражают внутреннее напряжение: прикусывание становится физическим эквивалентом сдержанности, тревоги или раздумий. В этих случаях укус, как и в китайских ФЕ, направлен не на посторонний объект, а на собственное тело, символизируя негативные эмоции и переживания человека.

Мотив предательства и неблагодарности, характерный для английских ФЕ с компонентом *bite*, находит чёткие параллели в китайской фразеологии, особенно в выражениях, включающих образ собаки. Так, английское *bite the hand that feeds you* – «кусать руку, которая кормит». Хотя собака в этом выражении не названа прямо, её образ имплицитно присутствует, поскольку именно поведение преданного, зависимого от хозяина животного лежит в основе метафоры. Ещё одна английская ФЕ – *bite the dog that bit you* – демонстрирует иной, но связанный аспект: цикличность возмездия, где укус порождает ответный укус, агрессия – месть, конфликт – эскалацию. Эта модель отражает рефлексивную природу межличностного насилия, где жертва становится агрессором.

Наконец, в языке сохраняются культурно-архетипические образы, берущие свое начало из классической литературы, хотя их и не так много. Например, уже известные нам *bite the nail of thought* и *beware the bite of the winter wind*. Также существуют библеизмы *the serpent's bite* (укус змеи; коварство, предательство) и *to bite the forbidden fruit* (откусить запретный плод), отсылающие к библейскому мифу о грехопадении, где образ змеи (коварство которой передаётся через ядовитый укус) и вкушение запретного плода становятся символами искушения, познания и утраты невинности. То *bite the dust* («потерпеть поражение», «погибнуть», «выйти из строя») обладает исторически мотивированной, но в современном языке в значительной степени омертвевшей внутренней формой. Его происхождение восходит к древним воинским и поэтическим традициям, где падение воина на землю в бою символизировало смерть: лицо или рот умирающего касался пыли (англ. *dust*), что буквально и означало «укусить пыль». Такой образ встречается уже в античной литературе – например, у Гомера в

«Илиаде», где «пыль» ассоциируется с прахом земным и неминуемостью смерти. В английском языке выражение закрепилось к XVIII–XIX векам, особенно в военной и приключенческой литературе, как драматическая метафора гибели на поле боя.

Важным источником экстралингвистической мотивации английских ФЕ является повседневный, бытовой опыт. Например, выражение *bite the bait* («кусать наживку») заимствовано из богатого рыболовного опыта британцев: рыба, хватая приманку, не замечает крючка и попадает в ловушку. Аналогично, *bite the bullet* («кусать пулю») восходит к военно-медицинской практике XVIII–XIX веков, когда солдаты кусали гильзу от пули во время болезненных операций без анестезии, чтобы сдерживать крик и отвлечься от боли; этот акт стал символом вынужденной стойкости перед страданиями. ФЕ *to bite the biscuit* по значению очень близка к *to bite the bullet*, то есть она означает «смириться с неприятной необходимостью», «проявить стойкость» или «принять трудное решение». Как и её более известный аналог, *to bite the biscuit* также уходит корнями в военные реалии. Бисквит (или галета – *hardtack/ship's biscuit*) входил в сухой паек солдат. Разжёвывать его было неприятно, однако эта простая пища была необходима для выживания в походных условиях.

Заключение (Conclusion)

Таким образом, китайские и английские ФЕ с компонентами 咬 (*yǎo*) и *bite* проявляют выраженное семантическое сходство, несмотря на различия в культурных традициях. В обеих лингвокультурах образ «кусания» служит универсальным концептуальным основанием, через которое моделируются негативные жизненные переживания: физическая боль, эмоциональное напряжение, сдержанная агрессия, предательство и чувство обмана – метафорически воплощаемое как «укус в спину». Одновременно этот же образ используется для выражения внутренней силы, стойкости и целеустремлённости: человек «кусает губы» (*bite one's lip* / 咬破嘴唇), чтобы не выдать слабость; «сжимает челюсти» (*bite the bullet* / 咬紧牙关), чтобы выдержать испытание; «вгрызается в дело» (*bite into something*), проявляя упорство и решимость. Соматический акт укуса становится не просто физиологическим рефлексом, а символом взаимодействия между телом, эмоцией и волей.

Китайские и английские ФЕ очень четко отражают особенности языковой картины мира и лингвокультуры Китая и Англии, а также сами формируют её. Например, китайские ФЕ отражают такие особенности национальной философии Китая, как «преданность», «стойкость», а также стремление не к материальному богатству, а к духовности; в бедности человек закаляется. Английские ФЕ отражают бытовой опыт, например, рыболовную сноровку.

Основной вывод, вытекающий из проведенного анализа, заключается в том, что семантическое поле «кусания» в обеих лингвокультурах формируется за счет сложного взаимодействия трех основных культурных кодов: соматического, гастрономического и зооморфного. Соматический культурный код является

доминирующим и системообразующим. Он задает базовый образ укуса как метафоры телесного и эмоционально-волевого опыта человека (боль, сдержанность, стойкость). Гастрономический же код представлен слабо и далеко не во всех ФЕ. Даже в тех случаях, когда упоминаются съедобные вещи (редька, корни, бисквит или яблоко), речь идет не о еде, а о телесном контакте с миром через боль, сопротивление или проникновение. Укус – это не акт потребления, а акт взаимодействия, часто конфликтного. Тем не менее, гастрономический культурный код представлен в небольшой группе английских ФЕ, где он формирует метафорическую основу для образа активного начала деятельности или освоения чего-либо. Зооморфный код часто взаимодействует с соматическим культурным кодом, привнося конкретные образы-носители агрессии (собака, змея). Этот код усиливает негативные коннотации укуса, переводя абстрактную «угрозу» в понятный культурный архетип вероломного существа.

Список литературы

- Астрединов Н. Ю.* Английские фразеологизмы и их место в английском языке / Н. Ю. Астрединов, А. А. Чунихина // Молодежь и наука: шаг к успеху: сборник научных статей 8-й Всероссийской научной конференции перспективных разработок молодых ученых, в 4 томах, Курск, 20–21 марта 2025 года. Курск: Закрытое акционерное общество «Университетская книга», 2025. С. 349-352. EDN FYCTOX.
- Байрамова С. И.* Соматический код культуры во фразеологических единицах русского и китайского языков / С. И. Байрамова, Ж. Чжао // Вестник Международного института экономики и лингвистики ИГУ. Серия: Восточные языки. 2019. № 9. С. 77-84. EDN KBBPYS.
- Белая Е. Н.* Национально-культурная специфика английских, французских, русских фразеологизмов с компонентом "соль" // Проблемы модернизации современного высшего образования: лингвистические аспекты: материалы III Международной научно-методической конференции: в 2 томах, Омск, 26 мая 2017 года / Омский автобронетанковый инженерный институт. Том 1. Омск: ООО "Издательство Ипполитова", 2017. С. 158-161. EDN YOLMXZ.
- Большой фразеологический словарь русского языка: значение, употребление, культурологический комментарий / под ред. В. Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. 784 с.
- Брахманова А. А.* Соматизмы в китайском языке (на примерах единиц 血 xiě "кровь" и 泪 lèi, 涕, tì "слёзы") // Студент - Исследователь - Учитель: материалы XXI Межвузовской студенческой научной конференции, Санкт-Петербург, 01–15 апреля 2019 года / Редколлегия: Н. А. Бочарова, Н. И. Верба, Т. С. Вологова [и др.]. Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2020. С. 1147-1155. EDN ETUONB.
- Василенко А. П.* Культурологический комментарий компонента ЧАЙ (thé, tea, 茶) во фразеологизмах русского, французского, английского и китайского языков / А. П. Василенко, В. С. Рыбакина // Филологический аспект. 2022. № 4(84). С. 56-60. EDN EYRLOV.
- Василенко А. П.* Общее языкознание и история лингвистических учений. Фразеология / А. П. Василенко. Брянск: Новый проект, 2025. 175 с. EDN QBIZMO.
- Гогичев Ч. Г.* Денотативный компонент семантики идиом // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2011. № 4. С. 102-107. EDN NXUJQN.
- Голодов А. Г.* Проблема определения понятия "фразеологизм" в отечественной и зарубежной лингвистике / А. Г. Голодов, О. И. Асташкина // ДОСТИЖЕНИЯ ВУЗОВСКОЙ науки 2018: сборник статей Международного научно-практического конкурса : в 3 ч., Пенза, 05 марта 2018 года. Том Часть 1. Пенза: "Наука и Просвещение" (ИП Гуляев Г.Ю.), 2018. С. 146-149. EDN YSKBOB.

Гэ Ц. Сравнительные структурные и семантические характеристики фразеологизмов-соматизмов в современных английском и китайском языках // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 7(256). С. 47-53. EDN YITHNN.

Дашиева С. Ц. Д. Семантические особенности фразеологизмов с компонентом-соматизмом "сердце" в разноструктурных языках (на примере китайского, бурятского, русского языков) / С. Ц. Д. Дашиева, Е. Ж. Баяртуева // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 4(95). С. 200-202. DOI 10.24412/1991-5497-2022-495-200-202. EDN KRQQEI.

Залипаева Ж. П. Фразеология как особая отрасль лингвистики // Перспективы развития науки в современном мире: Сборник статей по материалам X международной научно-практической конференции, Уфа, 22 сентября 2018 года. Уфа: Общество с ограниченной ответственностью Дендра, 2018. С. 156-160. EDN YRDAWT.

Иванова Л. И. Лингвокультурологические особенности русских и английских фразеологизмов с "гастрономическим" компонентом / Л. И. Иванова, Ю. Е. Сорокина // Теория и практика иностранного языка в высшей школе. 2016. № 12. С. 50-60. EDN VZAITV.

Ковалевская Л. А. Внутренняя форма как источник семантической мотивации и культурной коннотации фразеологизмов русского языка: специальность 10.02.01 "Русский язык": автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ковалевская Лариса Анатольевна. Великий Новгород, 2010. 21 с. EDN QGVDFN.

Ковшова М. Л. Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект): специальность 10.02.19 "Теория языка": автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Ковшова Мария Львовна. Москва, 2009. 48 с. EDN ZNZFCT.

Красильникова Я. А. Лингвокультурологический анализ фразеологизмов с пищевым компонентом в китайском языке / Я. А. Красильникова, М. А. Гаврилюк // Иностранные языки: лингвистические и лингводидактические аспекты: Материалы конференции преподавателей по итогам НИР за 2021 год и 76 смотра студенческих научных трудов, Иркутск, 14 апреля 2022 года / Отв. редактор А.В. Федорюк. Иркутск: Аспринт, 2022. С. 113-121. EDN EVIDYO.

Красных В. В. Грамматика лингвокультуры, или что держит языковую картину мира? // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. № 1(1). С. 122-130. EDN SJMTQZ.

Красных В. В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // Язык, сознание, коммуникация. Том Выпуск 19. М.: ООО "МАКС Пресс", 2001. С. 5-19. EDN UBLDHN.

Маслова В. А. Памяти друга и учителя / В. А. Маслова // Ученые записки УО ВГУ им. П.М. Машерова. 2012. Т. 13. С. 227-229. EDN SNMVLТ.

Никишкова М. С. Этнолингвокультурный гастрономический код в потребностной коммуникации (на материале английского языка): специальность 10.02.19 "Теория языка": автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Никишкова Мария Сергеевна. Майкоп, 2017. 22 с. EDN ZQDXCF.

Савченко А. В. "Кулинарный код" во фразеологии: культуры разные, образы близкие (славянские и китайские фразеологические параллели) // Русский язык в условиях би- и полилингвизма: Сборник научных трудов, Чебоксары, 10 декабря 2019 года / Ответственный редактор З. Н. Якушкина. Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2019. С. 108-111. EDN QWSRFT.

Салыхова З. З. Специфика соматического кода в английской фразеологии (на примере компонентов-соматизмов head, brain, eye, heart) // Молодой исследователь: от идеи к проекту: Материалы VI студенческой научно-практической конференции, Йошкар-Ола, 26-29 апреля 2022 года / Отв. редактор Д.А. Михеева. Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2022. С. 453-455. EDN YUFTVO.

Сергеева П. С. Особенности изучения коллокаций в современной лингвистике // E-Scio. 2020. № 7(46). С. 212-217. EDN UMKKCS.

Топалова Е. А. Языковая картина мира // Художественное пространство культуры третьего тысячелетия: проблемы науки и образования: Сборник научных трудов Высшей школы музыки им. А. Шнитке (институт) РГСУ. Том Выпуск III. М.: КТ "Буки-Веди", 2017. С. 97-103. EDN YQELJA.

Цзян С. Сопоставление русских и китайских паремий, отражающих гастрономический код культуры / С. Цзян, В. Гу // Языковая политика и лингвистическая безопасность: Материалы первого международного образовательного форума, Нижний Новгород, 26–27 сентября 2017 года / Ответственный за выпуск М.А. Викулина. Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2018. С. 330-338. EDN XZHGGL.

Четвертакова А. С. Фразеологизмы с компонентом "хлеб" в английском и русском языках // Забайкальское село: вчера, сегодня, завтра...: Материалы XVIII региональной научно-практической студенческой конференции, посвященной 45-летию Забайкальского аграрного института (филиал Иркутского ГАУ им. А.А. Ежевского) и 90-летию доктора сельскохозяйственных наук, профессора Ильи Ивановича Виноградова, Чита, 15 марта 2024 года. Чита: Иркутский государственный аграрный университет им. А.А. Ежевского, 2024. С. 87-92. EDN IQPISH.

Чжао Чжицян. Функционально-параметрическое описание фразеологизмов русского и китайского языков: специальность 10.02.20 "Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание": автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Чжао Чжицян. Москва, 2012. 19 с. EDN QIISXV.

Kim J. A corpus-based analysis of conceptual metaphors with BITE and CHEW in English and Korean // Linguistic Research. 2022. № 39(1). P. 55-93. DOI 10.17250/khisl.39.1.202203.003.

References

Astredinov N. Yu., Chunikhina A. A. (2025). English phraseological units and their place in the English language. *Youth and Science: A Step to Success: Proceedings of the 8th All-Russian Scientific Conference of Promising Developments by Young Scientists*. 1: 349-352.

Bairamova S. I., Zhao Z. (2019). Somatic code of culture in phraseological units of Russian and Chinese languages. *Bulletin of the International Institute of Economics and Linguistics of ISU. Series: Oriental Languages*. (9): 77-84.

Belaia E. N. (2017). National and cultural specificity of English, French and Russian phraseological units with the "salt" component. In *Problems of Modernization of Contemporary Higher Education: Linguistic Aspects: Proceedings of the III International Scientific and Methodological Conference*. 1: 158-161.

Brakhmanova A. A. (2020). Somatisms in the Chinese language (examples of the units 血 xiě 'blood' and 泪 lèi, 涕, tì 'tears'). In *Student – Researcher – Teacher: Proceedings of the XXI Interuniversity Student Scientific Conference*. 1147-1155.

Chetvertakova A. S. (2024). Phraseological units with the "bread" component in English and Russian languages. In *Transbaikal Village: Yesterday, Today, Tomorrow...: Proceedings of the XVIII Regional Scientific and Practical Student Conference*. 87-92.

Dashieva S. Ts. D., Baiartueva E. Zh. (2022). Semantic features of phraseological units with the somatism "heart" in languages of different structures (using Chinese, Buryat and Russian languages as examples). *World of Science, Culture, Education*. 4(95): 200-202. DOI 10.24412/1991-5497-2022-495-200-202.

Ge T. (2017). Comparative structural and semantic characteristics of phraseological somatisms in modern English and Chinese. *Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Humanities*. 7(256): 47–53.

Gogichev Ch. G. (2011). The denotative component of idiom semantics. *Economic and Humanitarian Studies of the Regions*. (4): 102–107.

- Golodov A. G., Astashkina O. I. (2018). The problem of defining the concept of “phraseological unit” in Russian and foreign linguistics. In *Achievements of University Science 2018: Proceedings of the International Scientific and Practical Competition*. 1: 146-149.
- Ivanova L. I., Sorokina Yu. E. (2016). Linguocultural features of Russian and English phraseological units with a “gastronomic” component. *Theory and Practice of Foreign Language in Higher Education*. (12): 50–60.
- Jiang S., Gu V. (2018). Comparison of Russian and Chinese paremias reflecting the gastronomic code of culture. In *Language Policy and Linguistic Security: Proceedings of the First International Educational Forum*. 330-338.
- Kim J. (2022). A corpus-based analysis of conceptual metaphors with BITE and CHEW in English and Korean. *Linguistic Research*. 39(1): 55–93. DOI 10.17250/khisl.39.1.202203.003.
- Kovalevskaya L. A. (2010). The inner form as a source of semantic motivation and cultural connotation of Russian phraseological units. *Abstract of Candidate of Philological Sciences dissertation*. Veliky Novgorod. 2010. 21 p.
- Kovshova M. L. (2009). Semantics and pragmatics of phraseological units (linguocultural aspect). *Abstract of Doctor of Philological Sciences dissertation*. Moscow. 2009. 48 p.
- Krasil'nikova Ya. A., Gavriluk M. A. (2022). Linguocultural analysis of phraseological units with a food component in the Chinese language. In *Foreign Languages: Linguistic and Linguodidactic Aspects: Proceedings of the Faculty Conference on Research Results for 2021 and the 76th Student Research Review*. 113–121.
- Krasnykh V. V. (2001). Codes and standards of culture (invitation to a conversation). In *Language, Consciousness, Communication*. 19: 5-19.
- Krasnykh V. V. (2013). Grammar of linguoculture, or what holds the linguistic worldview together? *Ecology of Language and Communicative Practice*. 1(1): 122-130.
- Maslova V. A. (2012). In memory of a friend and teacher. *Scientific Notes of Vitebsk State University named after P.M. Masherov*. 13: 227–229.
- Nikishkova M. S. (2017). Ethnolinguocultural gastronomic code in need-based communication (based on the material of the English language). *Abstract of Candidate of Philological Sciences dissertation*. Maikop. 2017. 22 p.
- Saliakhova Z. Z. (2022). Specifics of the somatic code in English phraseology (example of the somatism components head, brain, eye, heart). In *Young Researcher: From Idea to Project: Proceedings of the VI Student Scientific and Practical Conference*. 453–455.
- Savchenko A. V. (2019). “Culinary code” in phraseology: Different cultures, similar images (Slavic and Chinese phraseological parallels). In *Russian Language in Conditions of Bi- and Polylingualism: Collected Papers*. 108–111.
- Sergeeva P. S. (2020). Peculiarities of studying collocations in modern linguistics. *E-Scio*. 7(46): 212-217.
- Teliia V. N. (Ed.). (2006). Comprehensive Phraseological Dictionary of the Russian Language: Meaning, Usage, Cultural Commentary. Moscow: AST-PRESS KNIGA, 2006. 784 p.
- Topalova E. A. (2017). Linguistic worldview. In *Artistic Space of the Third Millennium Culture: Problems of Science and Education: Collected Papers of the A. Schnittke Higher School of Music (Institute), Russian State Social University*. 3: 97-103.
- Vasilenko A. P. (2025). General linguistics and history of linguistic studies. Phraseology. Bryansk: New project, 2025. 175 p.
- Vasilenko A. P., Rybakina V. S. (2022). Cultural commentary on the TEA component (thé, tea, 茶) in phraseological units of Russian, French, English and Chinese languages. *Philological Aspect*. 4(84): 56-60.
- Zalipaeva Zh. P. (2018). Phraseology as a special branch of linguistics. In *Prospects for the Development of Science in the Modern World: Proceedings of the X International Scientific and Practical Conference*. 156-160.

Zhao Zhiqiang. (2012). Functional-parametric description of phraseological units of the Russian and Chinese languages. *Abstract of Candidate of Philological Sciences dissertation*. Moscow. 2012. 19 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Худаев Михаил Михайлович – аспирант, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова, ул. Белинского, д. 58, Якутск, 677013, Россия;
orcid.org/0009-0001-1527-2477; e-mail: sia-mailstore@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail M. Khudaev, Postgraduate Student, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, 58 Belinskogo Street, Yakutsk, 677013, Russia;
orcid.org/0009-0001-1527-2477; e-mail: sia-mailstore@mail.ru

Поступила в редакцию
Принята в печать
Опубликована

20.01.2026
19.05.2026
15.09.2026

Received
Accepted for publication
Published

20 January 2026
19 May 2026
15 September 2026